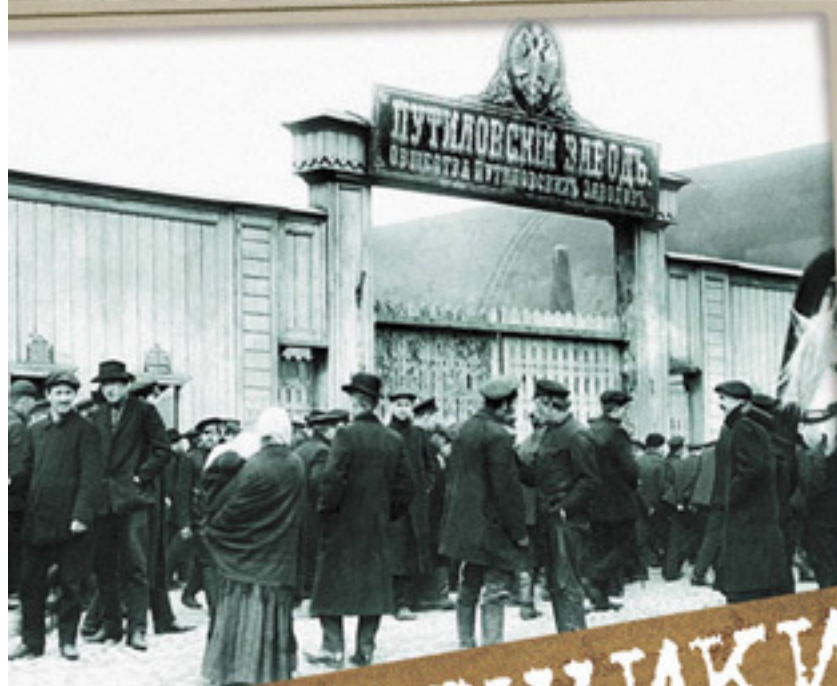

ЛЕВ ЛУРЬЕ

ОКНО
ИСТОРИИ

ПИТЕРЩИКИ

Русский капитализм
Первая попытка

bhv®

Лев Лурье

**Питерщики. Русский
капитализм. Первая попытка**

«БХВ-Петербург»

2011

Лурье Л. Я.

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка /
Л. Я. Лурье — «БХВ-Петербург», 2011

Рассказывается о первой попытке построения капитализма в России. Время действия – три последних царствования: Александра II, Александра III, Николая II. Место – Санкт-Петербург. Тогда в столице России складывалась ситуация похожая на нынешнюю московскую: Петербург был городом приезжих. Но столетие назад российские города пополняли не мигранты из Средней Азии и Кавказа, а русские деревенские мужики. Какие механизмы помогали или препятствовали переработке крестьян в столичных жителей? Как городской уклад жизни воспринимался сельскими жителями? Как мужики становились купцами? Как из купцов выходили в «олигархи»? Этим вопросам и посвящена книга. Для широкого круга читателей.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Миллиардер из Солигалича	8
Колониальщики[10]	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лев Я. Лурье

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка

Памяти мамы – Ирины Ефимовны Ганелиной (1921–2010)

Предисловие

*ПИТЕРЩИК (простореч. устар.) – бывалый человек, бывавший и
промышлявший в Петербурге (Питере). Филипп Корчагин – питерщик, По
мастерству печник. Некрасов.
Толковый словарь русского языка Ушакова*

Русскому капитализму дали три шанса. Рыночные отношения бурно развивались в стране с середины прошлого века, после освобождения крестьян. Строились железные дороги, быстро росли города, а на их окраинах – краснокирпичные здания фабрик. По темпам роста экономики Россия стояла на одном из первых мест в мире. Закончилось революцией 1917 г. Ленинский НЭП продолжался каких-нибудь семь лет. Разрушенную, умирающую от голода страну накормили, дали пожить, и тут наступил сталинский великий перелом: коллективизация и индустриализация. На наших глазах столь же быстро и столь же противоречиво проходит третья попытка построения капитализма в России.

В этой книге мы пытаемся описать первый русский капитализм. Время действия – три последних царствования: Александр II, Александр III, Николай II. Место – Санкт-Петербург.

Итак, начинаем 1860-ми. Как писал Борис Пастернак:

«Ездят тройки по трактам
Но, фабрик по трактам настроив,
Подымаются саввы
И зреют викулы в глуши.
Барабанную дробь
Заглушают сигналы чугунки.
Гром позорных телег,
Громыканье первых платформ.
Крепостная Россия
Выходит
С короткой приструнки
На пустырь
И зовется
Россиею после реформ».

Савва и Викула Морозовы – москвичи. Но колоссальный кризис, прежде всего аграрный, гонит деревенское население и в Петербург. Сначала дворян: Родионы Раскольниковы и Настасьи Филипповны еще недавно жили в своих имениях. А за барами ринулись в столицу и оставленные без хозяйского пригляда бывшие крепостные.

«Великие реформы» 1860-х обогатили немногих и не лучших. Материальное неравенство растет, капиталы утекают на Запад, большинство горожан превратились в люмпенов. И

все это на фоне безудержного демонстративного потребления. Город классических ансамблей Карла Росси за несколько лет превращается в какой-то северный Константинополь.

Анна Ахматова:

«Торгуют кабаки, летят пролетки,
Пятиэтажные растут громады
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным.
Везде танцклассы, вывески менял,
А рядом: "Henriette", "Basile", "Andre"
и пышные гроба: "Шумилов-старший".
<...>
Все разночинно, наспех, как-нибудь...
Отцы и деды непонятны. Земли
Заложены. И в Бадене – рулетка».

Петербург растет как на дрожжах. Численность населения за 65 лет возрастает в пять раз. И прежде всего за счет деревенских мужиков, выгнанных из деревни нуждой. Петербург Евгениев Онегиных и Макаров Девушкиных все больше становится городом Ванек Жуковых. К началу XX века на 80 % – это город приезжих, на две трети – мужиков.

Численность населения Петербурга в 1865–1915 гг.

Год	Численность (тыс.)	Численность населения с пригородами (тыс.)
1855	513	
1865	539	
1875	758	
1885	884	956
1890	954	1033
1897	1131	1285
1900	1248,122	1440
1906	1451,704	1682
1910	1637,111	1906
1915	2000,864	2315

Городская инфраструктура решительно не подготовлена к такому бурному росту. Стоимость аренды жилья не по карману подавляющему большинству «питерщиков». Трамвай в городе появляется только в 1907 г. (уже есть в Жмеринке и Киеве), метро нет. Поэтому в Петербурге практически отсутствует так называемая «горизонтальная сегрегация», когда социальные классы разделены между разными районами. В городе существует вертикальная сегрегация. В одном и том же доме в лицевой части, на бельэтаже – барские квартиры, выше и ниже, в дворовых флигелях – своеобразные «номера», где жильцам сдаются комнаты. И, наконец, в подвалах и в задних комнатах трактиров, лавок, ремесленных мастерских вповалку спит по ночам «молчаливое большинство» – «питерщики».

Понятно, что такой социальный динамит рано или поздно должен был взорваться. И это случилось скорее поздно, чем рано по одной причине. Большинство «питерщиков» и в городе жили как в деревне. Земляческий принцип трудоустройства, проживания и общения, тесные непрерывающиеся связи с родной деревней создавали своеобразный купол, переходную зону. В столице, в конце концов, оседали наиболее успешные и приспособившиеся. Так было у ремесленников и торговцев.

Другое дело – промышленные рабочие. Они быстро переставали быть деревенскими и становились заводскими. Для них окружающий город, пахнувший кофе и хорошими духами, в гвардейских мундирах и нарядах по последней парижской моде оставался чужим и враждебным. Они его и разрушили.

Какие механизмы помогали или препятствовали превращению крестьян в петербуржцев? Как работал «социальный лифт» в стране, где статус в значительной степени определялся общественным положением? Как деревня вращалась в город? Этим вопросам и посвящена книга.

В главе 1 рассказывается о петербургских олигархах, частью вышедших из простонародья, а частью – из дворян, иностранцев, инородцев. Государство и бизнес – главные опасности и пределы роста в стране, где «булат» всегда побеждал «злато».

Глава 2 – о петербургских старообрядцах и единоверцах, выходцах из русских крестьян – относительно небольшой конфессиональной группе, занимавшей важное положение в столичном деловом мире.

Глава 3 – собственно о «питерщиках»: откуда они шли в Петербург, сколько их было, где они селились.

Глава 4 – крестьяне в петербургской торговле и трактирном промысле.

Глава 5 – крестьянско-земляческие ремесленные группы.

В главе 6 рассказывается об официальных земляческих обществах, представлявших в Петербурге интересы уроженцев различных губерний и уездов.

Наконец, глава 7 – о тех, для кого социализация в городе шла не через земляческие братства, а в заводских цехах. Промышленный пролетариат, социальный класс, взорвавший империю и Петербург.

Эта книга вышла из двух источников. Очерки о Василии Кокореве, Степане Овсянникове, братьях Елисеевых, Николае Путилове, семье Нобелей и Самуиле Полякове – переработанные сценарии телевизионного документального сериала «Булат и Злато», вышедшего на канале ТВЦ в 2005 году. Я работал над ним с моими соавторами – продюсером Александрой Матвеевой, редактором Риммой Круповой, режиссером Валерием Спириным и режиссером монтажа Еленой Копалкиной.

Вторая, основная часть – предмет долгих занятий автора. Частично результаты этих исследований были опубликованы в исторических сборниках «Невский Архив», «Английская набережная, 4» и в журнале «Неприкосновенный запас». В этой работе мне помогали мои ученики и соавторы Владимир Тарантаев и Алексей Хитров, которых я горячо благодарю.

Глава 1 Олигархи

Миллиардер из Солигалича

Знаменитый русский предприниматель Василий Александрович Кокорев родился в 1817 г. в Солигаличе – старинном городе на севере Костромской губернии. Местные жители называли свою родину «концом света». Здесь почтовый тракт упирался в тупик; дальше до Вологды шли непроходимые хвойные пущи. Герб Солигалича – три белые солонки на золотом поле – указывает на солеварение – промысел, дававший горожанам основной доход.

Все соляные источники города, к тому времени, впрочем, уже истощенные, принадлежали местным купцам Кокоревым. Отец Василия умер рано; с юности будущий миллионер вместе со своими дядьями управлял предприятием, где работало около 100 человек.

Местный уезд богат дворянскими усадьбами, где собиралось разнообразное и просвещенное общество – Кавелины, Шиповы, Макаровы, Черевины. В помещичьих домах хранились прекрасные библиотеки, там звучала музыка, и все были в курсе последних столичных новостей. Молодой купчик – частый и желанный гость в усадебных гостиных. Завязавшиеся здесь знакомства пристрастили его к чтению, сделали светским человеком, снабдили обильными и разнообразными сведениями, а позднее существенно помогли в карьере.

Семейство Кокоревых принадлежало к одному из старообрядческих толков (направлений – *Ред.*), поморцам – значительное преимущество для будущего предпринимателя. К началу прошлого века староверы контролировали торговлю хлебом и рыбой по Волге, хлопчатобумажную промышленность Москвы и Подмоскovie. Старообрядцами являлись миллионеры Морозовы, Рябушинские, Гучковы, Солдатенковы, Громы, Сапожниковы.

Василий Кокорев унаследовал деловую хватку своих единоверцев. Первым его деловым начинанием была попытка превратить едва сводивший концы с концами солеваренный завод в общероссийский курорт с минеральными источниками. Двадцатилетний Кокорев решил сделать Солигалич эдаким Баден-Баденом в костромских лесах. На его деньги была пробурена скважина, из которой забил минеральный источник. Открыли водолечебницу. Сам наследник, приехавший в Кострому, пожелал видеть двадцатилетнего купца. Сверстники встретились в 1837 г. – будущий царь-освободитель Александр II и его самый богатый (в дальнейшем) подданный. Но русская знать не пожелала лечиться в костромской глуши. Проект рухнул.

У Кокорева нет формального образования, капитала, он не дворянин и не чиновник. Купец в николаевской России – пария и фигура страдательная. В то время любой городничий мог послать держиморду и отобрать задаром любой приглянувшийся ему товар. Однако молодого Василия Александровича сжигало бешеное честолюбие, в его голове роились феерические проекты обогащения. Время романтическое, дух Бонапарта еще витает над Европой, в соседних имениях живут герои 1812 г., ставшие генералами в 30 лет; в его возрасте они входили в Париж¹.

¹ З. Николаева. Купец и гражданин: Краеведческий очерк: История русского Лаффита. Режим доступа: <http://www.proza.ru>.

Откупной служащий

Россия 1840-х годов – бедная страна. Содержать армию в 800 тысяч человек, мириады чиновников, блестящий двор, строить столицу, возводить храм Христа Спасителя – для этого нужно выжимать из многомиллионного крестьянства деньги, которые у самого многочисленного русского сословия не водились. Крестьяне покупали только два товара – соль и водку. С солью у Кокорева не вышло, и он решает заняться водкой. Кабацкая деньга – доход от алкоголя – это почти половина государственного дохода того времени.

Как получить эти деньги в бюджет? Отдать торговлю частнику – будет утаивать доходы, подделывать акцизные марки. Сделать торговлю государственной? Красть станет чиновник.

Казна пошла по третьему пути: сдавала право продажи спиртного на откуп. Объявлялись торги, мы бы сейчас сказали – тендер, и тот, кто обещал больший доход, получал монопольное право торговать вином и водкой в определенной губернии. Все, что откупщик получал сверх обещанного государству, он оставлял себе. Откупщики – самые богатые купцы николаевской России.

На доходное место пристроиться трудно, но соседи-помещики знают Кокорева как честного и энергичного молодого человека. Один из них, Шипов, приглашает 24-летнего будущего миллионера стать его помощником по откупу.

Сами откупщики не могли доглядывать за каждым сидельцем в кабаке, каждым корчемным стражником (своего рода частная полиция по борьбе с незаконным винокурением и торговлей спиртным – Л. Л.), поэтому они действовали через управляющих. Таким управляющим и стал Василий Кокорев.

Служба требовала постоянных разъездов, приходилось вступать в деловые и неформальные отношения с сотнями лиц разных сословий и состояний, уметь отличить честного человека от вора, давать взятки, идти на компромиссы со служащими, чиновниками, собственной совестью. Молодой романтик с томиком Пушкина отправляется на Урал и погружается в чудовищный мир откупного дела.

«Русский человек пьет не желудком, а карманом», – говаривал Кокорев. Откупное дело хлопотное, требующее жесткости, практической сметки и умения ладить с местными властями. На подкуп губернских чиновников откупщики тратили в среднем в год до 20 тыс. рублей (жалование губернатора в это время – от 3 до 6 тыс. в год), в маленьком городе поставляли в виде взятки до 800 ведер водки городничему, частным приставам и квартальным надзирателям (местной полиции). Иначе откупных денег не собрать.

«Питейные заведения в Великороссии отличаются безнравственным и неприличным характером, там находятся многочисленные семейства обоего пола с малолетними детьми», – гласит официальный документ. Закуски не полагалось. Пили стоя. Повальное пьянство в некоторых губерниях приобрело характер эпидемии².

Цена спиртного вздута неимоверно. Водку разбавляли, смешивали с суррогатами. Почти пятая часть заключенных в России сидели за корчемство – пивоварение, изготовление браги, медовухи, привоз водки из другой губернии. Взятки чиновникам, которые должны наблюдать за качеством спиртного и его ценой – повсеместны.

Служили по откупам отставные офицеры с испорченной репутацией. Вечно пьяные, они носились на тройках, нагруженных алкоголем, по кабакам. Против воровства сидельцев – торговцев спиртным – откупные служащие применяли одно средство: битье нагайкой по лицу. Но сидельцы как воровали, так и продолжали воровать, а откупные деньги пропивались, проигрывались в карты, транжирились на псов и любовниц.

² М. А. Кастрен. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. М., 1860. С. 143.

Кокорев проявил себя блестяще, преобразовал откупа в Оренбургской губернии, и вскоре стал поверенным богатейшего казанского откупщика полковника Лихачева, и привел в порядок откупа огромной и густонаселенной Казанской губернии. Он еще не стал самостоятельным откупщиком, но уже был лучшим управляющим России.

Для Кокорева спаивание народа – не особый грех. Пьянство – порок личный. Откуп приносит казне деньги, но надо стремиться к пристойным нравам. А воровать грешно.

В июле 1844 г. Кокорев подает записку министру финансов графу Вронченко, в которой предлагает способ резко поднять доход от продажи напитков³.

Водочный король

В 1844-м Кокореву 27 лет. В этом возрасте Пушкин написал «Бориса Годунова», Наполеон взял Тулон, Петр начал войну со шведами.

Огромная голова, мощный торс, копна русых волос, прирожденный лидер, блестящий рассказчик, кладезь сведений, историй, анекдотов, стихов – человек, рожденный для успеха и власти. Он мог поговорить и поладить и с томной светской дамой, и с сибирским каторжником-варнаком. На все у него свой взгляд. Он был, как сейчас говорят, креативен. Будь он дворянином, мог бы стать дипломатом, военачальником, министром, писателем. Но купец в России мог только делать деньги. Притом в России миллионерами не становятся, в России миллионеров назначают. Русские миллионеры рождались в провинции, а умирали в столицах.

Действительно, в классическом западном капитализме человек рассчитывает только на себя. У русской удачи три составляющих. Успех, особенно в сфере бизнеса, зависит от связей. Коммерческий гений умрет в нищете и безвестности, если нет тех, кто тянет его наверх, доверяет, покровительствует. Один в поле не воин. Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

Вторая составляющая успеха – талант, работоспособность, сметка, обаяние, ум, характер. Без них ни в России, ни в Америке деловая карьера невозможна.

Но все это пропадет втуне, если не поможет счастливый случай. Надо оказаться в нужный момент в нужном месте, привлечь внимание сильного покровителя. Деловой успех зависит от подписи нужного чиновника, стечения благоприятных обстоятельств, неожиданно возникших потребностей государства.

Кокорев посылает самому министру финансов графу Вронченко проект переустройства всей откупной системы. Министерство получало ежедневно множество прошений. Они терялись, пылились, их держали под сукном. Без взятки или рекомендации решение никакого вопроса не представлялось возможным. Кокорев заручился поддержкой земляка, казанского генерал-губернатора Шипова. Проект Кокорева Вронченко прочел и немедленно вызвал к себе автора.

Кокорев советует министру «придать торговле вином приманчивое увлекательное направление». Идеи его просты. Часть денег «остается не выбранной из капитала, обильно обращающегося в народе». Крестьянин может пить еще больше. На каждом углу должен стоять кабак, где самый бедный человек может потратить последнюю копейку. Чтобы избавиться от воровства сидельцев, Кокорев предлагает платить им больше, но за любую провинность выгонять.

Вронченко дает Кокореву шанс – ему отдают на откуп Орловскую губернию, прежде не приносившую казне дохода. Кокорев беззастенчиво увеличивает цену водки, открывает новые и новые кабаки. Худший сорт водки – сивуху – он продает по цене лучшей – пенника.

Качество кокоревской водки вошло в поговорку. «Кокоревской слезой» в народе называли самое отвратительное пойло. Кокорев покупал ведро водки на заводе за 40 копеек, а про-

³ Об этом подробнее см.: И. Прыжов. История кабаков в России в связи с историей русского народа. М., 1991. С. 239–240.

давал его распивочно за 20 рублей. Тысячи орловских крестьян томились в тюрьме по обвинению в корчемничестве. Мужики пропивались догола, обпивались до смерти.

Все орловское чиновничество получало от Кокорева регулярные взятки и бесплатно пило за его счет. В Петербурге смотрели на кокоровские безобразия сквозь пальцы: из Орловской губернии впервые за много лет в казну пошел доход.

Откупные служащие благословляли начальника: не дает в обиду, вежлив, рукоприкладство исчезло, все получают регулярное жалованье и знают, старание и честность вознаградят дополнительно. Из 10 тысяч человек, в разное время служивших у Кокорева по откупам, ни один никогда на него не жаловался.

Кокореву предоставили в управление еще 23 убыточных откупа – от Оренбурга до Рязани и от Перми до Брянска. Систему его приняли – она стала законом.

Кокорев проявлял необычайное искусство при откупных торгах. Имея обширные связи, он знал, в какой губернии будут строить шоссе или железную дорогу, т. е. соберется много мужиков, получающих жалованье, и кабаки будут переполнены. Договорившись с другими откупщиками, он устранял конкурентов и получал откуп в этих самых выгодных регионах.

Состояние его росло с феноменальной скоростью. К середине 1850-х годов оно исчислялось 30 миллионами рублей, весь бюджет России – 200 миллионов, командир гвардейского полка имел 2000 рублей в год. Кокорева называют «откупщицким царем». Он скупает каменные дома в Москве и Петербурге, дворянские имения. Большой успех для молодого купца невозможен.

Но ему мало быть самым богатым в России. Он хочет преобразовывать, он выламывается из своего класса. Его мнение стремятся узнать и шеф жандармов граф Орлов, и главноуправляющий Кавказом граф Воронцов, и победитель горцев фельдмаршал Барятинский. Но большинство советов остаются втуне. Решает не он. Ему не быть ни министром, ни фельдмаршалом. Выше себя не прыгнуть.

Герой перестройки

И тут декорации меняются. Николай I умирает посередине несчастной для России Крымской войны. На престол вступает старый знакомец и сверстник Кокорева – Александр II. Начинаются долгожданные реформы. Провозглашена гласность. Пресса ополчается на откупщиков.

Слово «откупщик» – ругательство, народ отказывается пить разбавленную сивуху, громит кабаки. К делу перестройки общественного строя с высоты трона зовут всех – дворян, купцов, крестьян. Перед Василием Александровичем открываются необычайные перспективы: никакой торговли водкой – он вступает на общественное поприще.

В феврале 1856 г. Кокорев совершает поступок неслыханный в России. Он решает организовать торжественную встречу в Москве героев обороны Севастополя. Впервые частное лицо за свой счет организует политическое событие. Василий Александрович привозит из Петербурга 80 морских офицеров, 400 матросов пришли пешком из Николаева.

Современник вспоминал: «Он встретил морские экипажи за заставой, одетый в русскую шубу и бобровую шапку, поднес морякам хлеб-соль на серебряном блюде, повалился в ноги, благодарил за славные подвиги». Десять дней поил и каждому офицеру дал 400 рублей серебром.

Тосты, произнесенные Кокоревым, издали отдельными брошюрами: «Севастополя не стало, нам нужен другой Севастополь, который никто не одолеет, – Севастополь любви и истины, где все старались бы действовать на всех поприщах жизни с таким же чувством самопожертвования в борьбе с ложью и невежеством, как действовали защитники Севастополя».

Кокорев красноречив, умет всучить, уломать, убедить, понравиться. На очередь встают освобождение крестьян от крепостной зависимости, отмена откупной системы. Василий Алек-

сандрович печатает множество статей; в частности, проект выкупа крестьян на волю с помощью купеческого капитала. А за откупы постоянно в печати и устно кается.

Он открывает в Москве первую общедоступную картинную галерею, создает «Хранилище русского рукоделия» – постоянную выставку изделий крестьянских народных промыслов. Он становится покровителем специального патриотического русского стиля в искусстве. На столе у Кокорева стоит золотая чернильница в виде мужицкого лаптя⁴.

Он благодетельствовал или попытался благодетельствовать каждую отечественную знаменитость. И слава о нем пошла по всей России.

Историк Константин Кавелин: «Вот человек, рожденный оратором! У него есть мысли, от которых не отказались бы и древние». Профессор Михаил Погодин: «...русский купец Василий Кокорев, которого имя сделалось у нас народным, и пронеслось теперь по всей стране». Поэт Николай Струговщиков: «Кокорев – величайший гений русской земли». Писатель Сергей Аксаков: «Это русское чудо»⁵.

В глухих деревнях о Василии Александровиче толковали крестьяне: «Василий Александрович Кокорев выкупил всех помещичьих крестьян Московской губернии и отдал деньги государю, потому что он, не имея денег, не мог это сделать; потом купцы делали по этому случаю обеды, на которых пили за здоровье государя и крестьян; а когда дворяне предложили, чтобы выпили за их здоровье, то купцы отказались, говоря: если бы вы отпустили крестьян даром, тогда мы бы вас поблагодарили, а теперь не за что».

Но верили Кокореву далеко не все. Многие считали: он хитрит, ищет новых доходов, занимается саморекламой. Севастопольские офицеры, благодетельствованные Кокоревым, чувствовали неловкость и говорили, что их возят и показывают по Москве, как зверей. Грубый Щедрин называл Кокорева «князь Полугаров» и «Васька Поротое Ухо – сиделец кабака, заслуживший репутацию балагура» и утверждал, что все его разнообразные идеи – «проекты об эксплуатации собачьего помета». Некрасов вывел Кокорева в поэме «Современники» под именем Саввы Антихристов, Добролюбов написал о нем статью «Опыт отучения людей от пищи»⁶.

Итак, как публичный политик он, скорее, потерпел поражение. В России не любят, когда слишком много болтают. А властных полномочий ему никто не собирался давать. Необходимо было искать новое приложение своих сил.

Купец в эпоху концессий

При Александре II в кратчайшие сроки делались огромные состояния. Прежде дворяне считали зазорным заниматься бизнесом, выходцы из первенствующего сословия служили государю на бранном поле или, на худой случай, в канцелярии. Теперь правоведы, путейцы, лицейсты – выпускники привилегированных дворянских учебных заведений ринулись в учредительство, прежде всего железнодорожное. У них множество связей в министерствах и при дворе. Они знали, как написать устав акционерного общества, как подать жалобу в суд, они были близки к молодым реформаторам из окружения императора. На рынке стали активно действовать иностранцы.

В результате дельцы николаевского времени, в том числе и Кокорев, оказались в дураках. Большинство бывших откупщиков разорилось, часть отошла от дел.

⁴ А. А. Фет. Мои воспоминания. Часть 1. М., 1890.

⁵ Кокорев В. А. Экономические провалы. СПб., 1887. Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского пр-ва. М., 1960.

⁶ М. Гавлин. Российские Медичи. Портреты предпринимателей. М., 1996. С. 11–51.

Но Василий Александрович не сдаётся. Он строит железные дороги, торгует битой птицей, разводит племенной скот, возводит оптовые склады, сдает дачные участки, занимается страховым делом, покупает и продает пароходства. Он создает Общество Волго-Донской железной дороги, Закаспийское торговое товарищество, Северное страховое общество, Российское общество пароходства и торговли, Общество пароходства «Кавказ и Меркурий», солеваренный завод в Соликамской, эксплуатирует золотые копи в Сибири, основывает Северное телеграфное агентство, Горно-Уральскую железную дорогу, Московский Купеческий банк. Но больше всего его занимала бакинская нефть.

В начале века крестьянин покупал соль и водку, к концу века стали покупать еще и керосин, который стал новым предметом массового спроса. Свечу и лучину заменяет керосиновая лампа.

Первую скважину пробурили американцы в Пенсильвании в 1859 г. В России Кокорев догадался, почувствовал раньше всех: на рынок пришел новый товар. В том же году Василий Александрович заложил керосиновый завод под Баку. Он нанял техническим консультантом самого Дмитрия Менделеева, построил трубопровод, организовал перевозку керосина нефтеналивными судами.

В сущности, именно Менделеев и Кокорев придумали русскую нефтехимию. Дело требовало новых и новых вложений. Но русская таможенная политика строилась чудовищно глупо: американский керосин стоил дешевле бакинского. А когда появилась первая прибыль, появился сильный конкурент – компания Нобеля. Посеянное Кокоревым пожал алчный швед.

Новые затеи требовали огромных денег, которых в России чувствовался недостаток; они имелись или у иностранцев, или в казне. Василию Александровичу нет доступа ни в ложи Михайловского театра, ни в отдельные кабинеты ресторана «Донон». Там теперь решаются судьбы железнодорожных концессий и оборонных заказов. Старозаветное московское купечество тоже косится на Василия Александровича – слишком разбрасывается, суетится, стремится быть на виду.

И к концу 1860-х годов Кокорев – фактически банкрот. Ему 40. Его ожидают позор и долговая тюрьма.

Он должен казне огромную сумму. Ему отказывают в обещанных кредитах. Он продает за бесценок свою картинную галерею («Всадница» Брюллова, картины Айвазовского, Тропинина и пр.), расстается с паями и акциями большинства компаний.

Новый шанс

Грустный приходит Кокорев к своей старушке матери, проживавшей в Москве на покое. Матушка видит: сын в тоске-кручине, начинает расспрашивать: «Что да как?» Сын рассказывает: дело плохо. Матушка и говорит: «А разбей, Васенька, мою копилку. Помнишь, ты мне все прежде к праздникам и к именинам деньги присылал. Так я их не тратила, а в копилку складывала». Как ни сопротивлялся коммерции советник, разбила матушка копилку, и оказалось там 75 тысяч рублей. Кокорев добавил из своих, внес пай и его избрали в 1870 г. председателем правления нового Волжско-Камского банка. И тут, наконец, ему улыбнулась удача. Он снова оказался на плаву.

Волжско-Камский банк – совершенно новый для России тип кредитного учреждения. Он не вкладывался в ГКО (государственные краткосрочные облигации, памятные нам по 1990-м – Л. Л.), не спекулировал иностранной валютой, не занимался размещением портфельных инвестиций. Он строился на прочной купеческой основе. Главной торговой артерией России издавна служила Волга и ее притоки, по ним шли грузы в столицу и на экспорт. Главным русским товаром становился хлеб. Нужда в кредите огромная. Помещики брали деньги под урожай, купцы – под будущие сделки, судовладельцы – под фрахт...

А банков не было, деньги давали под честное слово. Волжско-Камский банк перевел всю систему частного кредита на цивилизованную основу. Его конторы открылись на главных пристанях, он быстро стал крупнейшим коммерческим банком страны и оставался им до революции⁷.

Между тем, неудачная для Кокорева эпоха реформ заканчивается. В воскресенье 1 марта 1881 г. народоволец Гриневицкий смертельно ранил себя и императора Александра II. Мало кто оплакивал Царя-Освободителя. Итоги реформ неутешительны. И крестьяне, и помещики разорены. Деньги, полученные за освобождение крестьян, потрачены дворянами в парижских кафешантанах, за рулеткой Монте-Карло, хранятся в иностранных банках.

В результате реформ выиграли немногие и не лучшие. Коррупция пронизала двор и высшее чиновничество.

Новый император Александр III обещает навести в стране порядок. Среди тех, кто больше всего приветствует смену власти – Василий Кокорев.

Ему казалось, что все его прошлые неприятности в делах связаны именно с неудачными реформами. Молодых реформаторов 1860-х он называл «они» – «те народопочитатели, которые устраивают Россию по иностранным сочинениям и по своим личным соображениям, не простирающимся далее этажей Невского проспекта», те, кем «руководило желание изобразить из себя единственных и необходимых людей, знающих какую-то финансовую науку, которую якобы никто кроме них не знает. В деле финансов мы пали духом и, наконец, до того приубожились, что во всех действиях наших выражается лишь одно рабоподражательное снятие копий с европейских финансовых систем и порядков»⁸.

Мысли Кокорева – защита отечественного товаропроизводителя от иностранной конкуренции, активное вмешательство государства в железнодорожное строительство, дешевый кредит для помещиков – реализуют новые министры финансов Остроградский и Витте.

Но самому Кокореву уже не удалось воспользоваться итогами изоляционистского реванша. 23 апреля 1889 г. он умер, и его единоверцы, поморы, выделявшиеся на фоне столичной толпы необычными старорусскими одеяниями, вынесли из роскошного особняка на полотенцах дубовый гроб, долбленный, без единого гвоздя, и на руках донесли до Малой Охты. Фамильное захоронение Кокоревых до сих пор сохранилось в восточном углу Малоохтинского кладбища.

Некрологи были немногочисленны и немногословны. Сын предпринимательство бросил, стал дворянином, служил в гвардии. Дочь вышла замуж за крупного чиновника. И только вдова вплоть до смерти сохраняла память о муже – давала огромные деньги петербургской поморской общине⁹. Сегодня имя Василия Кокорева помнят только историки.

Между тем, Василий Кокорев – настоящий русский гений. Время то улыбалось ему, то обходило жестоко. Но он не изменил себе, не разорился, не сдался. Ему принадлежало множество новаторских деловых начинаний. Он создал десятки тысяч рабочих мест. Был предприимчив и деловит, как любой «титан» Драйзера. Родись в Америке, кончил бы великим капитаном индустрии. В России его смерть почти никто не заметил. Остались нефтепромыслы Баку, церкви, приюты, дома, железные дороги, крупнейший в стране частный банк.

⁷ Ради благополучия России. От Волжско-Камского банка до акционерного общества «Промышленно-строительный банк». СПб., 1996. С. 29–77.

⁸ Взгляды Василия Александровича на экономику и политику. См.: Кокорев В. А. Экономические провалы. М., 2002.

⁹ А. Кобак, Л. Лурье. Малоохтинское кладбище // Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993. С. 419–420.

Колониальщики¹⁰

Немногие магазины сохранили в советское время память об именах прежних владельцев. Но и в Ленинграде, и в Москве гастрономы на Невском и улице Горького по традиции называли «Елисеевскими». И хотя ассортимент их к началу 1980-х годов мало отличался от других продмагов с их тремя сортами колбасы и двумя – сыра, а жители уже не могли помнить, чем здесь торговали до 1917 г., память о бывших хозяевах странным образом держалась.

В Ленинграде «Елисеевский» (переименованный в «Центральный гастроном») долго находился на ремонте, а когда наконец открылся, произошел скандал: посетители утверждали, что за время реконструкции исчезла роскошная люстра, висевшая в центре главного торгового зала. Как ни доказывали историки, что люстры никакой с роду не водилось, что это какой-то оптический обман, она таилась в общественном бессознательном как признак богатства и изысканности.

И действительно, для императорской России и для ее блистательной столицы «Торговый дом братья Елисеевы» – эксклюзивен.

В 1813 г., через год после изгнания Наполеона из России, «казенный поселянин» деревни Новоселки Ярославской губернии Петр Елисеев открыл в доме Котомина на углу Невского и Мойки торговлю вином и колониальными товарами. Откуда у Петра Елисеева нашлись средства для аренды лавки в одном из самых фешенебельных кварталов города – история умалчивает. Но думается, что его не миновала участь большинства «питерщиков» – мужиков, находивших заработок в Петербурге. Судьба этих безымянных деревенских мальчишек хорошо нам известна по чеховскому «Ваньке Жукову».

В 12 лет Петра Елисеева с оказией отправили в столицу к земляку. Здесь он стал «мальчиком» в лавке – прислугой за всеми: убирал, бегал на посылках, нянчил хозяйских детей, ходил по воду, ставил самовар. Жил в хозяйской квартире вместе с приказчиками, работал за харчи.

Лавки открывались обычно на рассвете, закрывались поздним вечером. Зимой их не отапливали. Выходных в году четыре: Пасха, Троица, Рождество, Прощеное воскресенье. Чтобы выжить и выдержать, надобно обладать недюжинным здоровьем и терпением.

Закончил многолетнее ученичество, получил от хозяина первую получку, сапоги, городскую одежду и с подарками родне отправился на короткую побывку в родную деревню Новоселки. Одарил родных, стал первым женихом на деревне. Деньги в деревне редки и особенно дороги – можно заплатить подати, поправить хозяйство.

Петербург пушкинского времени – город, тон в котором задают гвардия и двор. Петербургские дворяне – русские европейцы – одеваются по последней парижской моде, чередуют русский с французским, пьют заморские вина и потребляют самые изысканные кушанья из-за границы. Даже декабристы в «Евгении Онегине» ведут свои разговоры «между лафитом и клико», т. е. за обедом. Из русских продуктов на обеденном столе рыбные, мясные и овощные блюда; из-за границы везли в Петербург цитрусовые, виноград, ананасы, сыры, паштеты, копчения, колбасы, устрицы.

Не случайно образец шика для Хлестакова – «суп в кастрюльке», который «прямо на пароходе приехал из Парижа: откроют крышку – пар, которому подобного нельзя отыскать в природе».

¹⁰ Столетний юбилей Торгового товарищества «Братья Елисеевы». СПб., М., 1907. Краско А. В. Дома купцов Елисеевых. СПб., 1997. Красильщиков А. Храмы, школы и больницы Елисеевых: Елисеевы: известные и забытые факты // Нева. 1998. № 1. С. 212–223. Краско А. В. Елисеевы // Свод поколенных росписей. СПб., 1998. Вып. 3. Рогатко С. А. Выдающиеся продовольственные предприниматели России. М., 1999. Шундалов И. Ю. Елисеев // Три века Санкт-Петербурга. Деятнадцатый век: Энциклопедия. СПб., 2008. Кн. 6. С. 405–415.

Экономить на столе считается мещанством, повара – французы (или обученные ими крепостные), также и рестораторы. К каждому блюду подавали особое вино, и нарушить этот раз и навсегда заведенный порядок считалось в высшем кругу просто неприличным. Херес подают к супу; белые французские столовые вина – к рыбе; к главному мясному блюду – красные вина; к ростбифу – портвейн; к индейке – сотерн; к телятине – шабли. К жаркому идут малага или мускат. Ну, и, наконец, шампанское, полагавшееся по любому торжественному поводу. Лавки, торговавшие деликатесами и винами, назывались «Магазинами колониальных товаров»: в одной из них и стал приказчиком Петр Елисеев.

Приказчик должен уметь завлечь покупателя, не дать ему уйти с пустыми руками. Постоянные посетители могли рассчитывать на кредит. «Не обманешь – не продашь», – гласит русская поговорка. Конечно, приказчики торговались до хрипоты, обмеривали, обвешивали. Обычно товары покупали не сами хозяева, а повара и буфетчики. Вместе с приказчиками и лавочниками они обсчитывали легкомысленных бар – те переплачивали за товар – а выручку делили. Но во всем должна быть мера. Солидные покупатели, обнаружив обман, могли уйти к конкуренту. В колониальной торговле, рассчитанной на прихотливого и обеспеченного покупателя, требовалась особая квалификация.

Современник вспоминал: «То и дело один из приказчиков ныряет в святую святых и является оттуда с лежащим на кончике ножа тонким, как лепесток, куском дивного слезоточивого швейцарского сыра, или с ломтиком божественной салфеточной икры, или с образчиком розовой семги. Приносятся и черные миноги, и соленые грибки, а в рождественские дни... крендели, румяные яблочки. Всякую вещь приказчик старался охарактеризовать с тонкостью, с вежливой строгостью отрекомендовать».

От подручного к младшему, потом к старшему приказчику и, наконец, доверенному, заключавшему от имени хозяина сделки – путь, пройденный Петром Елисеевым. Обманывать хозяина нельзя. Раз пойманный за руку вор отправлялся не солоно хлебавши в деревню. Все ярославцы-хозяева прекрасно знают друг друга, и провинившийся равен прокаженному. Его никто на работу не наймет.

Хозяин играет по отношению к своим «молодцам» роль строгого, но справедливого отца. Жили приказчики в отдельной квартире под присмотром старшего приказчика. После пасхальной заутренней разговлялись все вместе дома у хозяина. Приказчикам лавочник жаловал по пятерке, мальчикам – по двугривенному.

Пройти путь от мальчика до доверенного приказчика доводилось немногим. Доверенный – менеджер по продажам, как сказали бы сейчас. Он вел переговоры с поставщиками, разбирался в сортах и цене вин, брал и давал под честное слово товар на тысячи рублей. Такой приказчик мог рассчитывать и на хорошее жалованье, и на кредит от земляков для открытия собственного дела, за таких часто выдавали замуж купеческих дочерей с хорошим приданым. Приданое и составило первоначальный капитал Петра Елисеева – он женился на ярославке, уроженке Ростовского уезда Анне Гавриловне, дочери содержателя зеленой торговли.

Петр Елисеев затевает собственное дело: открывает магазин на Невском, затем еще один на Васильевском острове, арендует склады для импортных товаров рядом с портовой таможней, переходит в купеческое сословие. Умирая в 1825 г., основатель династии оставил вдове и трем сыновьям процветающую виноторговлю.

После смерти Петра Елисеева два десятка лет торговое предприятие возглавляла его вдова, а затем вплоть до конца XIX века – сыновья основателя: Сергей, Степан и Григорий.

С 1842 г. Елисеевы обладали собственным торговым флотом: вначале три парусника, а затем и пароход «Александр I». Начало навигации означало для петербургских гурманов привоз остендских устриц к Елисееву, и они со страстью поглощали их в его магазине у таможни.

Елисеевы купили винные подвалы на острове Мадейра (где производилась мадера), в португальском Опорто (родина портвейна) и в Бордо. В Петербурге доставленные из-за гра-

ницы вина разливались (по 15 тысяч бутылок в день) в огромных принадлежавших Елисеевым подвалах на Васильевском острове.

Елисеевские вина, в особенности шампанское и Токай, вытеснили конкурентов в городе и при дворе. Братья начали ввозить в Россию и другие импортные продукты – прованское масло, сыр, табак, кофе, чай. К концу века через их фирму в Россию доставлялась четверть всех иностранных вин (120 тыс. ведер в год), 15 % сыра, 14 % прованского масла.

Никто из второго поколения Елисеевых не получил формального образования. Между тем, им приходилось вести конкурентную борьбу с английскими и немецкими негодьями, проводить переговоры с капитанами кораблей, покупать недвижимость за границей и заключать сделки с представителями чуть ли ни всех европейских народов. Выручала, видимо, природная сметка и мощные связи в петербургском купеческом мире. Елисеевы много благотворительствовали, строили церкви и богадельни.

Получив максимально возможные для русских купцов почести – звания коммерции советников и поставщиков императорского двора, они и не пытались переменить участь, войти в высший свет. Им было чем гордиться. А вот их сыновья и внуки, которые пришли на все готовое, думали по-другому.

Купец в России, особенно в Петербурге, по своему общественному положению уступал и дворянину, и человеку свободной профессии – интеллигенту.

Гоголевский городничий не случайно называл купцов «самоварниками», «аршинниками», «протобестиями» и даже «надувалами морскими». С предпринимателями чиновники встречались в служебных кабинетах, но невозможно представить себе купеческое семейство на дворянском балу.

Купеческий сын не мог поступить в лицей или Пажеский корпус. Гвардейский офицер, женившийся на купчихе, обязан был выйти из полка.

У Островского не имеющий и копейки за душой гусар говорит влюбленной в него купеческой дочери: «Кому нужно даром-то вас брать! Можно было, я думаю, догадаться, не маленькая! <...> Видимое дело, что человеку деньги нужны, коли он на купчихе хочет жениться!»

Когда Александр II во время коронации посетил Москву, купечество устроило ему торжественный обед в Манеже. Потратили огромные суммы, так что пир был верхом совершенства по убранству и кулинарному искусству. Почтенные миллионеры-купцы с трепетом ожидали приезда государя, стоя на пороге Манежа с хлебом-солью. Незадолго до прибытия императора к Манежу подъехал генерал-губернатор граф Арсений Закревский. Граф спрашивает купцов:

– Вы зачем здесь?

– Как же-с, ваше сиятельство! Даем обед государю, желаем поднести хлеб и соль нашему дорогому гостю.

– Ах, вы, мужичье! Пошли вон отсюда! – закричал граф. – Без вас это будет сделано!

Так и не удалось купцам побывать на обеде с государем, ими же оплаченным.

Со времен французской революции господин Бонасье чувствовал себя равным господину д'Артаньяну. В Российской империи Шереметевы, Нарышкины, Палены пренебрегали Морозовыми, Гучковыми и Рябушинскими. Мужик для них мужиком оставался навсегда.

Богатство Елисеевых вызывало при дворе иронию, смешанную, должно быть, с завистью. Когда фрейлины злословили о фаворитке Александра II Екатерине Долгорукой, которую государь поселил прямо в Зимнем дворце над покоями умиравшей императрицы, то говорили, что у нее вкус, как у мадам Елисеевой, то есть пошлый, склонный к вульгарной роскоши.

Отсюда непрочность русских купеческих династий; потомки пытались переменить участь, уйти из мира своих отцов и дедов. Среди купечества начало развиваться чиновничество – стремление во что бы то ни стало стать дворянами. Добивались этого обширными жертвоприношениями и связями с нужными людьми.

Третье поколение Елисеевых уже было похоже скорее не на ловких ярославских торговых мужиков, а на петербургских чиновников. К торговле колониальными товарами добавилось руководство банками и страховыми компаниями, государственная служба, заседания в многочисленных важных комитетах.

Внук Петра Елисеева Александр Григорьевич дослужился до звания тайного советника (выше только действительный тайный и канцлер); Григорий Григорьевич (ему отошло руководство елисеевской торговлей) и Петр Степанович стали статскими советниками. Все они получили вождеденное дворянство.

Пока русский правящий класс считал хлебосольство необходимой чертой человека из общества, торговый дом мог рассчитывать на постоянное увеличение своих оборотов.

В Петербурге люди «хорошего тона» вообще покупали только в определенных магазинах: деликатесы не от Елисеевых могли скомпрометировать. На такого господина начинали коситься, он выпадал из круга.

«Кирасир его величества не боится вин количества, – наставлял старый служака юного гвардейского корнета князя Трубецкого. – Пей в своей жизни только Moët, только Sec и только Cordon Vert – всегда будешь в порядке. Об одном умоляю: никогда не пей никаких demi-sec (полусухое вино)! Верь мне, князь, всякий demi-sec, во-первых, блевантин, а во-вторых, такое же хамство, как и пристежные манжеты или путешествие во втором классе».

Визитной карточкой елисеевской торговли становятся новые магазины в Москве и Петербурге.

О московском магазине тогдашние газеты рассказывали чудеса: «Индийская пагода воздвигается, мавританский замок, языческий храм Бахуса». Золото и лепные украшения интерьеря, огромные английские часы, шедшие совершенно бесшумно. Открытие магазина на Тверской в 1901 г. стало настоящим событием – военное начальство, штатские генералы в белых штанах, духовенство в дорогих лиловых рясах.

7 сентября 1903 г. был освящен не менее роскошный магазин в Петербурге, на Невском – настоящий дворец, палатцо: зеркала, красное дерево, ярко начищенная медь, на втором этаже ресторан и театральный зал.

Покупать деликатесы у Елисеевых аристократы считали не только приличным, но и обязательным, но над вкусами «сарафанных дворян» продолжали посмеиваться. Они заседали в комиссиях, но их не звали в гости. У них брали товары в кредит, но породниться с купцами... об этом не может быть и речи.

«Петербургский листок» о бале у Елисеевых: «Дамы, как подобает богатому петербургскому купечеству, шегольнули роскошными платьями. Одна из присутствующих дам явилась даже в корсаже, сплошь сделанном из бриллиантов. Ценность этого корсажа по расчетам одного из присутствующих равняется ценности целой приволжской губернии».

«Во время котильона всем гостям розданы очень ценные сюрпризы: дамам – золотые браслеты, усыпанные камнями (причем блондинки получали браслеты с сапфирами, брюнетки же с рубинами. Кавалерам раздавали золотые брелоки с надписью».

У американцев есть такой термин «old money» [старые деньги – англ.]. Он означает капиталы, переходящие от поколения к поколению и делающие их обладателей представителями своеобразной финансовой аристократии – Дюпоны, Кеннеди, Рокфеллеры, Вандербильды. Продолжать дело прадеда не только выгодно, но и престижно. Что же в России?

В 1913 г. торжественно отмечали 100-летие Торгового дома Елисеевых. Выяснилось, что за 15 лет (с 1898 г.) Елисеевы заплатили государству 12,5 миллионов рублей налогов и таможенных пошлин. Казалось бы, такое торжество, но в зале Благородного собрания ни государя, ни великих князей, ни премьера, ни министров не дождались. Явились только постоянные клиенты – пара адмиралов, несколько командиров гвардейских полков. Российскому благородному дворянству не с руки брататься с купечеством.

В Петербурге только два рода, Лейкины и Меншуткины, продержались в купеческом сословии более века, да и то к тому времени Меншуткин стал академиком-химиком, а Лейкин знаменитым писателем-юмористом. Даже московские текстильные короли, больше других гордившиеся своими купеческими корнями, перед революцией почти все одворянились. Дела переходили к приказчикам, а потомки создателей торгово-промышленных империй становились профессорами, гвардейцами, чиновниками, коллекционировали живопись, чурались фабричных цехов, амбаров, лавок.

Елисеевские правнуки не желали торговать. Дело уходило в чужие руки. Григорий Елисеев поступил в Военномедицинскую академию, Сергей окончил Берлинский, а затем Токийский университеты, Николай стал адвокатом, Александр – геологом.

Дольше всех продолжал заниматься делом предков Григорий Григорьевич, но в 1914 г. 60-летнему кавалеру Ордена Почетного легиона ударил бес в ребро. Он и раньше был подвержен чарам актрис и шантаных певиц; это, впрочем, в купеческой среде считалось делом более или менее обычным. Но перед самым началом Первой мировой войны владелец елисеевских магазинов заявил своей жене, урожденной Дурдиной, дочери знаменитого пивовара, с которой он жил 30 лет и имел 9 детей, что полюбил другую, разведенную ювелиршу Васильеву.

Григорий Григорьевич Елисеев попросил у жены развода – явление в купеческой семье прежде немыслимое. Та отказала, и Елисеев ушел к любовнице. Покинутая жена повесилась. Через три недели Елисеев обвенчался со своей любовницей в провинции и навсегда уехал в Париж. Сыновья, похоронив мать, публично отказались от наследства. Елисеевское дело закрылось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.